

6p 1p 50
05
P89

АПРѢЛЬ.

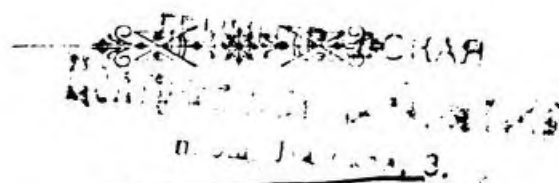
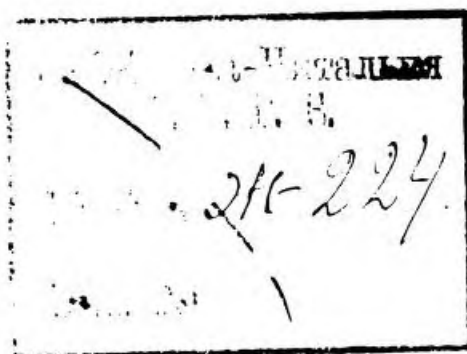
1903.

РУССКОЕ КОГЯТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 4.

№ 3595 не. гр.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клубнова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1-3.

1903.

могли убѣдиться, что практиковавшійся мною режимъ, дѣйствительно, привелъ къ порядку и личной безопасности“.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ непрерывавшейся бесѣды я протѣлся съ этимъ, еще сравнительно молодымъ, но уже сдѣлавшимъ бурную карьеру и, несомнѣнно, выдающимся человѣкомъ. Онъ невыгодно отличался отъ Каравелова тѣмъ, что, по временамъ, упиваясь властью, пользовался ею въ личныхъ видахъ. Разумѣется, состояніе Стамбулова не было такъ велико, какъ одно время говорили его противники; къ тому же оно было отчасти приобрѣтено адвокатской дѣятельностью. Но не подлежитъ сомнѣнію, что иногда онъ обогащался, злоупотребляя своимъ положеніемъ диктатора.

Увлекаясь борьбой, онъ доходилъ не только до антиконституціонныхъ мѣръ, но и до прямой жестокости. Однако, какъ ни возмутительны поступки въ такомъ родѣ, они представляются крупицей сравнительно съ колоссальными заслугами Стамбулова. Онъ вывелъ страну на самостоятельный путь въ самый трудный для нея историческій моментъ, преодолевая препятствія, огромность которыхъ не оцѣнена въ полной мѣрѣ.

Сильный, проницательный умъ, энергія и титаническая сила составили этого дѣятеля выше Каравелова, безупречная честность котораго давала, въ свою очередь, крупное преимущество послѣднему. Рядомъ можно поставить лишь одного изъ ихъ современниковъ — Захарія Стоянова; но съ этимъ удивительнымъ человѣкомъ, страстнымъ патріотомъ и необыкновеннымъ публицистомъ, остававшимся большую половину своей жизни неграмотнымъ, я, къ сожалѣнію, никогда не встрѣчался.

Н. Нулябно-Корецкій.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

А. Купринъ. Разказы. Спб. 1903.

Въ дарованіи г. Куприна есть одна обобщающая черта: оно развивается. Онъ еще не установился, и произведенія его болѣе разнообразны по манерѣ и тону, чѣмъ это бываетъ въ предѣлахъ законченной писательской индивидуальности. Но кто прослѣдитъ хронологію разказовъ, собранныхъ въ его книгѣ, тому станетъ

очевидно, что послѣднія произведенія г. Куприна въ тоже время—лучшія.

Въ печати уже указывали на подражаніе Чехову, какъ будто замѣтное на одномъ изъ его рассказовъ. Кажется, о подражаніи говорить не стоитъ: рѣчь можетъ здѣсь идти лишь о серьезномъ вліяніи, мы сказали бы даже, о чеховскомъ стилѣ, если не о чеховской школѣ. Опредѣлять уже теперь характерныя черты этой школы, пожалуй, преждевременно, но можно указать, какія стороны литературнаго развитія нашли въ ней поддержку. Это—дальнѣйшее усиленіе выразительности, „сгущеніе мысли“, большее преобладаніе образнаго мышленія надъ элементами раціональными, стремленіе къ констатированію посредствомъ поэзіи жизненныхъ фактовъ за счетъ ихъ обсужденія. Исходной точкой этого движенія могло служить всеохватывающее и неустранимое сознаніе или чувство сложности жизни. Къ ней подходятъ съ категоріями слишкомъ немногочисленными и потому грубыми, а она вотъ какая многообразная, противорѣчивая, загадочная. Это особое воззрѣніе вызываетъ и особый стиль изображенія; но объективность манеры не должна здѣсь казаться признакомъ холодной объективности міровоззрѣнія. Шиллеръ назвалъ бы такую поэзію наивною, а его дѣленіе поэтовъ на сентиментальныхъ и наивныхъ сохраняетъ свою силу. Правда, виды и формы усложняются въ непрестанномъ взаимодействіи, и въ наше время кажется уже непосредственнымъ то, что преждему наблюдателю показалось бы надуманнымъ, и наоборотъ: мы находимъ элементы разсудочности въ томъ, что раньше представлялось простымъ и безыскусственнымъ. И, однако, категорія остаются ограниченными и для нашего времени: есть творчество съ преобладаніемъ размышленія, есть искусство, живущее наблюденіемъ.

Такимъ по преимуществу представляется намъ творчество г. Куприна. Того, что называютъ выдумкой: увлекающаго развитія дѣйствія, подкупающей исключительности положеній, оригинальности образовъ,—у него нѣтъ. Но есть другое, что мы называли бы жадностью къ жизни. Писатель не ищетъ въ ней отвѣтовъ на свои запросы: ихъ не видно; наоборотъ: если онъ чего нибудь ищетъ въ жизни, то скорѣе—загадокъ. Онъ порывисто и энергично запускаетъ въ нее руку и ставитъ предъ собой и предъ нами то, что захватилъ. Богъ знаетъ, что онъ объ этомъ думаетъ: онъ предоставляетъ намъ додумываться; его дѣло не обсуждать явленія, а констатировать ихъ. И это не такъ легко и незначительно, какъ иногда полагаютъ. Разумѣется, поскольку всякое изображеніе есть сужденіе, его непосредственная объективность не исключаетъ опредѣленнаго отношенія къ дѣйствительности; но не это сужденіе занимаетъ его по преимуществу. Съ напряженностью ищущаго импрессиониста онъ останавливается на простомъ изображеніи отдѣльныхъ моментовъ; ему хо-

чется изобразить и—отойти прочь. Въ „Молохѣ“ безъ большой необходимости для развитія разсказа есть описаніе того, какъ неуклюжій толстякъ, противъ ожиданія присутствующихъ, изящно и легко танцуетъ мазурку; въ разсказѣ „Въ циркѣ“ мы найдемъ удивительно пластичное и отчетливое изображеніе головоломныхъ упражненій, продѣлываемыхъ четою итальянскихъ акробатовъ. Эти этюды съ натуры, вкрапленные въ разсказъ, грѣшно было бы назвать совсѣмъ лишними, но за ними такъ и чувствуется непосредственная потребность художника—взять и нарисовать. Оттого онъ такъ разнообразенъ въ выборѣ сферъ изображенія; заводское общество, казарма, мужицкая изба, циркъ, актерская богатыря, кабачекъ на западной границѣ: онъ вездѣ бывалъ, вездѣ присматривался къ жизни, вездѣ, не проникая вглубь, копилъ впечатлѣнія и искалъ имъ выраженія. Это удавалось ему, и онъ былъ всегда силенъ тамъ, гдѣ былъ собою.

Семенъ Юшкевичъ Разсказы. Т. I. Сиб. 1903.

Въ разсказахъ г. Юшкевича передъ читателями разворачивается жизнь сѣрой еврейской массы, тѣснящейся за чертою осѣдлости, и, въ особенности, жизнь бѣднѣйшей части этой массы. Авторъ изслѣдуетъ самыя темныя низины народнаго быта, вплоть до тѣхъ мрачныхъ закоулковъ, гдѣ гнѣздится голодная проституція съ ея жертвами и эксплуататорами — „котами“; но онъ больше останавливается на душевномъ мірѣ этихъ падшихъ и униженныхъ, чѣмъ на „натуралистическихъ“ подробностяхъ и аксессуарахъ, и оттого его картины, при всей своей рѣзкости, не столько бьютъ читателя по нервамъ, сколько будятъ въ немъ притупившееся чувство и заставляютъ работать его мысль надъ проблемой массоваго человѣческаго страданія. Самъ онъ воздерживается и отъ лирическихъ отступленій, и отъ выводовъ, представляя живой и ужасной дѣйствительности, претворенной въ художественные образы, говорить самой за себя. И она краснорѣчиво говоритъ о томъ, какъ душно жить за глухою стѣной, замыкающей современное гетто, самое обширное и населенное изъ всѣхъ, какія когда-либо знала исторія. При всей неустрашимости этого вывода авторъ, повторяемъ, не навязываетъ его читателямъ. Напротивъ: указывая на своихъ героевъ,—мужчинъ, женщинъ и дѣтей, онъ какъ будто говоритъ: „Взгляните, — всюду жизнь!“ Но это совершенно особая жизнь, какъ на картинѣ Ярошенко,—жизнь за тюремной рѣшеткой, отдѣляющей ее отъ вольнаго божьяго міра... Надъ нею нависло безысходное страданіе, которое гнететъ ее всегда неотступно и сквозитъ даже въ рѣдкой улыбкѣ изможденныхъ лицъ... Именно такую представляется намъ, въ наиболѣе обобщенномъ видѣ, художественная концепція г. Юшкевича. Она получила самое яркое и одухотво-